

Дмитрий Полетаев

ПРИЗРАКИ
ФОРТУНЫ

· ФОРТ РОСС ·

Смотрите фильм —
читайте новый роман!

Дмитрий Эрнстович Полетаев
Форт Росс. Призраки Фортуны
Серия «Герои Четвертого измерения», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7062576
Форт Росс. Призраки Фортуны : [роман] / Дмитрий Полетаев: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-085188-1

Аннотация

Как вышло, что в XIX веке Россия навсегда лишилась своих земель в Северной Америке? Что это, просчет царской дипломатии или тайна, которую успешно держали «забытой» на протяжении сотни лет?

Наши современники Дмитрий и Марго ведут это почти детективное расследование.

Головокружительный сюжет в лучших традициях авантюрного, исторического романа, яркие образы, умение автора передать неповторимую атмосферу и аромат далекой эпохи – всё это поможет вам шагнуть в эпоху последних лет царствования императрицы Екатерины II. Эпоху плаща и шпаги, дворцовых интриг, страстной любви, холодных красавиц и горячих сердец!

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	11
Глава четвертая	13
Глава пятая	15
Глава шестая	19
Глава седьмая	23
Глава восьмая	26
Глава девятая	28
Часть вторая	30
Глава первая	30
Глава вторая	34
Глава третья	37
Глава четвертая	40
Глава пятая	45
Глава шестая	49
Глава седьмая	51
Глава восьмая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Дмитрий Полетаев

Форт Росс. Призраки Фортуны

© Полетаев Д.

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Часть первая Крымская дорога России

Никто из нас не мог тогда предположить, что триумфальный марш Клеопатры Северной окажется настолько же эпохальным и переломным, каким стал вояж Клеопатры Египетской, за коим последовали падение республики, рождение империи, гражданская война и установление долгой и жестокой тирании.

*Граф Луи Филипп де Сегюр,
посол Франции в России в 1784–1789 гг.*

Глава первая Дороги судьбы

1787 год. Таврический вояж Екатерины II

Императрица уже и не помнила, когда еще она пребывала в таком приподнятом настроении, в таком благорасположении, как последние несколько недель, и потому чувствовала себя помолодевшей на добрый десяток лет. То ли сладостный, напоенный пахучими ароматами херсонской степи воздух растопил ее сердце, то ли череда исключительно благоприятных событий, которые тому предшествовали. Шутка ли сказать, днепровская степь, этот многовековой рассадник беспорядков и вольницы, склонила перед ней свою непокорную голову. Да что степь! Крым – эта жемчужина Северного Черноморья – отвоеван наконец у турок и навек присоединен к России!

Екатерина Алексеевна выглянула из окна дормеза. Как бы в подтверждение ее мыслей на бирюзово-синем небосводе радостно и безмятежно сверкало южное солнце.

«Спасибо тебе, Господи! – Императрица, закрыв глаза, подставила свое лицо ласкающим солнечным лучам. – Спасибо за все!»

Карета плавно несла государыню. Дом на колесах, да и только! Никак иначе ее дорожный экипаж и назвать-то было нельзя – восьмиместный, с отдельным альковом за откидным бархатным пологом, где государыня могла отдыхать, вытянувшись на перинах. Это последнее достижение инженерного искусства действительно помогало императрице с легкостью переносить тяжести нелегкого и грандиозного по замыслу путешествия.

К этой поездке готовились долго. Была создана специальная комиссия во главе с графом Безбородко, канцлером империи и главным помощником Екатерины в делах управления державой. Но главным вдохновителем Таврического вояжа был, конечно, Потемкин. Задумал он это путешествие для «своей царицы» еще в 1780 году, «чтобы склонились к стопам Северной Клеопатры и облобызали их, в знак вечного послушания, покоренные им, во славу ея, многочисленные восточные народы!»

Идея Екатерине понравилась сразу, да только, как говорится, быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Почти семь лет ушло на подготовку к путешествию! Шутка ли сказать, ничего подобного – ни по протяженности во времени, ни по затратам – мир еще не видел. А возможность «утереть нос» Европе, не афишируя этого и не кичась, Екатерина никогда не упускала.

Когда уже все было окончательно готово, поездку чуть не отложили. Захворали великие князья Александр и Константин. Бесконечные сквозняки холодных, как склепы, двор-

цовых переходов сделали свое дело. Да и январь стоял на дворе – время простуд и хвори. Заболели князья так сильно, что державная бабка устроила специальный молебен, упрасывая небеса об их скорейшем выздоровлении. То ли служба помогла, то ли молодость сделала свое дело, да только сначала Константин, а потом и Александр зарумянились, температура спала, и стало очевидно, что внуки пошли на поправку. Но о том, чтобы брать их с собой в путешествие через всю страну, о чем мечтала Екатерина, не могло быть и речи. Или откладывать поездку, или...

Екатерина решила ехать. Да и остановить этот уже запряженный, нервно фыркающий и в нетерпении перебирающий копытами шестисотголовый живой поезд было все равно что пытаться остановить в горах снежную лавину.

Наконец, покинув Царское Село 7 января 1787 года, эпохальная, как ее сразу же окрестили, поездка Екатерины Великой в Крым началась...

Поначалу неслись что ветер. Весело скользили поставленные на санный ход экипажи. Иностранные посланники, австрийский граф Кобенцель, английский барон Фиц-Герберт и французский граф де Сегюр, закутанные по самые носы в медвежьи шубы, нашли подобный способ передвижения весьма привлекательным, а от таких скоростей у них даже слегка кружились головы. И действительно, разве можно сравнить плавный, мерно скользящий по пушистому снегу ход саней с тряской в колесном экипаже? Граф де Сегюр, склонный к поэтическим метафорам, сравнил свои ощущения с «плаванием по снежному морю». И то правда, укрытые до горизонта снегом молчаливые и бескрайние российские просторы, кое-где черневшие островками рощиц, лесов и деревенок, напоминали застывшие океанские просторы.

Из-за того, что зимний день короток, на всем протяжении дороги через каждые две три версты горели специально подготовленные по царскому указу гигантские костры, дабы освещать путь державного каравана, растянувшегося на многие версты.

И оглянуться не успели, как отмахали первые девятьсот верст до Смоленска. Только тут Екатерина сделала первую остановку. И не потому, что устала, а потому, что так было запланировано заранее. Более недели чествовал Смоленск императрицу. Без усталости принимала она местную знать, спешившую припасть к державной длани. В конце концов, отдохнув и вновь устав уже от балов и званных обедов, царственная процессия двинулась дальше. К началу марта добравшись до Киева, остановились надолго. Больше месяца провела государыня в «колыбели городов русских». Принимала послов иностранных, да ждали, когда Днепр вскрыется.

Когда же в галеры пересели да по реке поплыли, то путешествие назвать «трудным» и вовсе никому не приходило в голову. Пока речные волны несли специально построенный для этого случая флот из восемнадцати вместительных галер, императрица даже отдохнула, как никогда еще в жизни не отдыхала. Только в Херсоне пересели в колесный экипаж, когда весна была уже в полном разгаре.

Дормез императрицы беззвучно покачивался на троекратно усиленной и обильно смазанной салом рессорной подвеске. Могучие колеса на специально укрепленных осях уверенно подминали под себя еще по-весеннему мягкую грунтовую дорогу. Четыре шестерика могучих лошадей, запряженные цугом, без видимых усилий тянули это сооружение, построенное по личным рисункам и чертежам светлейшего князя Григория Александровича Потемкина.

Что и говорить, расстарался светлейший на славу! Словно знал, что это крымское путешествие будет не столько ее, сколько его последним триумфом. Да к тому же больно хотелось ему «уважить матушку, умастить ее как нельзя лучше в подушках пуховых, чтобы труд-

ности долгой дороги не омрачили чело державное». Ибо в хорошем настроении созерцать обретенные для империи бескрайние днепровские и придунайские просторы гораздо сподручнее. Да и Таврию, за которую столько крови русской пролито было, он хотел поднести Екатерине как истинный бриллиант, достойный украшать ее царскую корону.

Видя, что все складывается именно так, как он задумывал, князь в душе несказанно веселился. Глядя на довольное лицо своей обожаемой Катеньки, «летал» светлейший верхом вдоль императорского поезда, от начала к концу да от конца к началу, как в молодости, спеша уладить и устроить все самым наилучшим образом. Да можно ли было лучше-то? Улыбка одобрения не сходила с лица императрицы. Придворные поздравляли ее величество со славными свершениями, а она только приговаривала, поглядывая на своего фаворита: «Это все он, Потемкин! Его заслуга, его и хвалите!»

И хвалили, надо сказать, светлейшего, хвалили наперебой.

Уже под конец поездки, на обеде по поводу прибытия в Бахчисарай, принц Нассауский, недавно вошедший в свиту светлейшего князя, а значит, и в фавор при дворе, не выдержав, с чувством расцеловал руки Потемкину, громко и «бескорыстно» выразив при этом общую мысль:

– Воистину, не только полководческим гением надо обладать, но и государственным умом незаурядным, чтобы обустроить в такое короткое время только что обретенный край!

Тут уж даже завистники, коих у князя было не счесть, молча закивали, потрясенные масштабами преобразований.

Конечно, были и критические замечания. Как без этого обойтись! Так, их светлость барон Аллейн Фиц-Герберт, чрезвычайный и полномочный посол Британии при российском дворе, брезгливо оттопырив нижнюю губу, не преминул вставить, что «русские всегда отличались грандиозными замыслами и бездарным их воплощением». И даже несмотря на то, что в этот раз барон хотел отметить заслуги Потемкина, указав, что «сегодняшние его деяния исключение из правил», замечание получилось обидное и совсем не дипломатичное. Но поскольку от англичанина ничего другого никто и не ожидал, внимание на это решили не обращать, чтобы не омрачать царившего повсюду ликования.

И только всегда восторженный и потому принимающий все близко к сердцу австрийский посол граф Кобенцель хотел было вызвать Фиц-Герберта на дуэль как персону, нанесшую оскорбление его «союзническим чувствам», но дело уладил французский посланник граф де Сегюр. Опытнейший дипломат резонно произнес: «Тот, кто любит рассматривать проблему только сзади, лишь расписывается в своем бессилии овладеть ею спереди».

В переводе на русский, впрочем, как и на немецкий, фраза звучала не столь изящно, как по-французски, и даже несколько двусмысленно, но кто этому придавал значение в те величественные дни, которые вошли в анналы истории практически всех королевских дворов Европы и о которых впоследствии написали все посланники, имевшие честь разделить с русской государыней то грандиозное путешествие! Конечно, никто не обращал внимания... За исключением, пожалуй, отдельных персон ничем не примечательной наружности, которые со скучными лицами шныряли между участниками императорского кортежа и единственной обязанностью которых было как можно более подробно запоминать содержание бесед придворных вельмож и иностранных посланников и доносить их до его светлости графа Безбородко.

Уж в связи ли с этой обмолвкой британского баронета или по какой другой причине, но только двух графов и барона, как уже не раз случалось, поселили вместе. И опять было презабавно наблюдать этих «закадычных друзей», вынужденных коротать время друг с другом на восточных диванах свергнутых Гиреев.

Но и этого старались не замечать, как будто ничего экстраординарного не происходило. Кроме тех самых «отдельных персон», которые отнеслись к совместному проживанию «клиентов» как к чрезвычайно удачному и удобному «аранжементу».

Что поделать, любая женщина хочет быть в курсе слухов, которые роятся вокруг нее, а Екатерина к тому же была императрицей. Так что знать все, о чем говорят и даже думают ее придворные, а также иностранные «друзья», она считала себя просто обязанной.

Глава вторая Сюрпризы поездки

1787 год. Херсонский тракт

Выехав из Херсона, Екатерина с замиранием сердца наконец осознала, что она неумолимо приближается к своей мечте. Безмерная радость и ликование разлились в ее душе. «Таврия, – твердила про себя императрица, – я назову тебя Таврия! Не Крымом – это басурманское название, а классическим греческим именем – Таврия!»

Эта поездка на юг была приурочена еще к одной важной дате – двадцатипятилетию восхождения Екатерины на российский престол. И сейчас, оглядываясь назад и вспоминая пережитое, императрица не могла не улыбаться. Практически все, о чем она когда-то могла только мечтать, устроилось самым наилучшим образом. Осталось последнее – вырвать Грецию у османов, посадить на константинопольский трон внука Константина, и тогда величие России, раскинувшейся от берегов северных морей до Средиземного, уже ничто не сможет угрожать. «Тогда и помирать можно! – размышляла Екатерина. – Правда, еще неплохо было бы в обход сына передать трон старшему внуку Александру! Вот тогда уж действительно больше нечего и желать! Ну да ладно, свалим Порту, а уж с “этим” как-нибудь разберемся с Божьей помощью...» – думала царица.

Передача престола Александру в обход Павла была давней и прочно укоренившейся в сознании императрицы мечтой. И надо отдать ей должное, она сделала все, чтобы подготовить своего любимого внука к царствованию. Прекрасно образованный, воспитанный, начитанный, рано ставший разбираться в политических хитросплетениях бурлящих страстями королевских и императорских дворов Европы, статный красавец Александр действительно являл собою образ идеального государя.

Вот только как обойти Павла, пока было непонятно. Именно поэтому решение столь щекотливого вопроса царица все откладывала «на потом». Павел с детства был болезненным ребенком. «Кто знает, может, и само все как-то разрешится...» – вздыхала она и незаметно крестилась.

По выезде из Херсона императорский поезд опять, в который раз в этом путешествии, ждал сюрприз. Его встретил трехтысячный отряд донских казаков, который так и сопровождал императрицу до самого Крыма.

Пришлось устроить казакам в тот день торжественный смотр. Смотр нелегкий, ибо казацкое построение было особое, в одну линию, – пока из конца в конец доедешь, солнечный удар хватить может! Но зато и зрелище стоило того! Вытянувшись чуть не на версту, с поднятыми в салюте тонкими и длинными пиками с развевающимися на них вымпелами, казаки представляли собой красочное зрелище. Несмотря на раннюю майскую жару, императрица с Иосифом II Австрийским, который присоединился к ней в Киеве и путешествовал под именем графа Фалькенштейна, то есть, как он полагал, «инкогнито», два раза проехали перед строем в открытой колеснице. Император Священной Римской империи был потрясен. Особенно его поразили слова атамана казачьего войска, что за день похода казаки покрывают более шестидесяти верст. Обычная кавалерия делала порядка тридцати – почти в два раза меньше!

Но и это, как оказалось, было только начало. Когда именитых гостей встретила рота «настоящих» амазонок, хранимая до сих пор Потемкиным в тайне, тут уж ахнула даже привыкшая к его «грандиозам» императрица!

Когда греческий женский конный эскадрон пролетел перед изумленными зрителями полным галопом, сверкая на солнце отполированными до блеска металлическими нагрудниками, подчеркивавшими особенности женской фигуры, и алыми юбками, беззастенчиво обнажавшими сильные загорелые ноги, – эффект был, пожалуй, посильнее, чем фейерверк, который накануне устроил Потемкин и в котором, как поговаривали, спалили более двадцати тысяч ракет и петард!

В общем, сюрпризам в этой поездке не было конца. Оно и понятно, Россия хотела показать Европе свою возросшую мощь. И в первую очередь продемонстрировать это своему главному союзнику – Австрии. Как знала Екатерина, австрийский император отправился в эту поездку с неохотой. Что-то подсказывало ему отказаться от путешествия в «варварские края варварской страны». Но, заглушив предостережения внутреннего голоса, Иосиф II все же принял приглашение. Да и как он мог отказать Екатерине Великой? Никак не мог. Однако не без удивления для себя император обнаружил осмотр новых российских владений чрезвычайно любопытным и... своевременным.

В Крыму прием оказался еще более помпезный. У ворот грозной крепости Ор-Капу, которую русские с ходу переименовали на свой лад в Перекоп, по обе стороны дороги выстроились татарские воины из охраны Бахчисарайского дворца. Зрелище было внушительное. Но всего удивительнее было то, что вчерашние заклятые враги России сейчас скромно гарцевали по обеим сторонам императорского поезда наряду с эскадром конногвардейского полка. Эти потомки Чингисхана теперь были готовы отдать души за свою новую, «гяурскую», властительницу – за свою Северную Семирамиду!

Вот уж воистину, неисповедима воля Аллаха!

Как галантно заметил потом на обеде граф де Сегюр, он «никогда в своей жизни не видел коней и всадников с такими безупречными крупами». Двор на некоторое время замолк, соображая, чьи крупы имел в виду французский посланник. Ситуацию усугубил все тот же несносный Фиц-Герберт, который, ухмыльнувшись, с чисто британской прямолинейностью не преминул заметить, что «месье граф славится своим утонченным вкусом». При этом англичанин выразительно взглянул на графа Кобенцеля, который вдруг, ни с того ни с сего, густо покраснел. Всем были хорошо известны несколько женственных формы графского «арьергарда», которыми он безумно гордился и которые при каждом удобном случае любил довольно забавно «отклячить». Также всем было хорошо известно, что именно Сегюр был в числе самых ярких почитателей графских форм. Но и на этот раз двор был настроен миролюбиво и решил, что если полугодовая поездка настолько «сблизила» этих некогда заклятых врагов, то с точки зрения «высокой дипломатии» это может весьма положительно сказаться на судьбе франко-австрийских отношений, а значит, и на судьбах Европы.

Глава третья

Святые хлопоты

1787 год. Крымская дорога Потемкина

Надо заметить, что охраной императрицы в Таврическом путешествии, как и положено было по уставу, ведал ее личный лейб-гвардии Измайловский полк. Конногвардейцы осуществляли лишь внешнюю охрану в этом сложнейшем, многоуровневом образовании, которое именовалось «императорским поездом».

В общей сложности караван состоял из порядка двухсот карет и повозок различного размера и назначения. Походные кухни и провиант, шатры для дневного отдыха и ночных стоянок, мебель, постельные принадлежности – все везлось с собой и делилось как минимум на три разряда: для двора, военных и прислуги. Ну и, конечно, самую многочисленную часть этого поезда составляли всевозможные пассажирские экипажи, от карет до колымаг, в зависимости от родовитости их владельца. Все это порой растягивалось на много верст, закрывая от глаз свет Божий взбитой дорожной пылью. В зависимости от ветра дормез императрицы вместе с каретами первой знати располагался то в авангарде, то в арьергарде каравана, чтобы, не дай Бог, в окошко государыни не надуло пыли из-под колес и копыт этого медленно, но верно ползущего к своей цели организма.

Непосредственно дормез императрицы охранял взвод лейб-гвардии Измайловского полка под командованием поручика Резанова.

Именно это, как решила про себя императрица, было самым приятным, тайным подарком, который преподнес «ее Гриц», так она называла Потемкина.

Зная слабость своей повелительницы, лейб-гвардейцев он действительно подобрал на славу! Но милее всех Екатерине пришлось сам поручик. Высокий, стройный, с обрамленным пепельными кудрями лицом, поручик был похож на Аполлона. Потемкин незаметно усмехался, глядя, как плотоядно поглядывала императрица на Резанова.

Но «подзадорить» царицу, погрузить ее в сладостное томление, когда она становилась более податливой и сговорчивой, это одно. Совсем же отпустить вожжи, которыми он управлял своей повелительницей, а через нее и всей державой, Потемкин отнюдь не собирался. Строго следил он единственным глазом за сердечными делами обожаемой супруги и, хорошо зная ее вкусы, частенько сам и подставлял под царское внимание будущих кавалеров.

Бывали, конечно, и просчеты, как, например, с Ванькой Римским-Корсаковым. Красавец отменный, что и говорить. Фигура, стать – что больше всего ценила в мужчинах Екатерина – превосходные. Не зря она его прозвала Пирр, царь Эпирский. Что дурак был, так то понятно, на умном Потемкин свой выбор не остановил бы. Но за это порой тоже приходилось расплачиваться.

В начале все развивалось по хорошо налаженной схеме. После «пробной» ночи Екатерина тут же назначила Ваньку своим флигель-адъютантом. Затем быстренько произвела в камергеры с присвоением внеочередных званий генерал-майора, а потом и генерал-адъютанта. Поместьями и землями одарила. Деньгами, сотнями тысяч жаловала. Потемкин и сам по просьбе Екатерины бриллианты для него пригоршнями таскал. Но все это мало волновало могущественного фаворита. Любое поползновение на власть – вот чего он не терпел. «А Ванька, как в Ивана Николаевича оборотился, так распушился, подлец, что павлин, – право, что природа способствовала».

Рано чувявшие ветер перемен придворные уж стали мимо Григория Александровича напрямую к новому фавориту с просьбами таскаться. Пришлось мальчика урезать. Племян-

ница, любимица Санька, помогла. Не зря Потемкин всех своих племянниц фрейлинами устроил. «Лишний глаз завсегда сгодится – там, где мужик не углядит, баба дознается!»

Обожал, ласкал и одаривал он всех четверых поровну, по крайней мере, так ему казалось, но все же старшую, Александру, светлейший всегда ценил и ставил выше других. Умная баба! Десяти мужиков стоит.

Любимица Санька и удумала, как дело обставить. Да так, чтобы Екатерина своего Амура в объятиях у фрейлины Прасковьи Брюс сама и обнаружила. Графиня Парашка отделилась пощечинами. И по мужу, и по девичеству персона знатная, что и говорить, так запросто розгами по заду не отходишь – шутка ли сказать, жена петербургского генерал-губернатора и сестра самого фельдмаршала Румянцева! А вот мальцу от ворот поворот был указан в одночасье.

Мысли о племянницах разлили приятное тепло по стареющему телу князя. Все они были с ним в этой поездке. Князь теперь от себя их надолго не отпускал. Обожая их безмерно, только с ними и мог светлейший забыться, только они его и зажигали, заряжая энергией для свершения его грандиозных планов. И надо отдать должное – девицы отвечали ему взаимностью, каждая на свой лад.

Похотливостью племянницы уродились под стать дядьке. Чуть только покрылись пушком подмышки и заветное место, чуть только округлились бедра и некогда костлявый зад и налились болью соски, старшая Санька первой нырнула под дядюшкино одеяло. Григорий Александрович приехал в деревню навестить сестру, привезя три подводы подарков. От подарков у его многочисленной родни, особенно женской ее половины, несколько дней голова кружилась. Вот тогда-то Александра и ухватила свою «первую истину» – пути к прелестям жизни лежат через сердца влиятельных мужчин. Правда, по молодости несколько поспешно оценила их только лишь в переливах ювелирных украшений да сверканиях драгоценных камней. Очень скоро ей предстояло познакомиться с иными «прелестями» жизни.

Началось все с шуток: ласкалась и причитала «дяденька да дяденька». Потом Санька осмелела и обнаружила под одеялом истинную причину всех успехов фельдмаршала Российской империи, точнее, размеры его «причины». И между дяденькой и племянницей сложились особые отношения. Обезумевший от восторга и опаленный огнем неведомого дотолее наслаждения молодым девичьим телом, Григорий Александрович первое время медленно и страстно учил девушку премудростям любви. Но очень скоро Санька, осмелев, взяла «бразды правления» в свои руки. И с этого момента Потемкин уже более с ней не расставался. Только сестры – мал мала меньше, – взрослея, подъезжали ко двору вельможного дяденьки и вливались в этот маленький, но «теплый» семейный коллектив, где их быстро вводила в курс дела старшая сестрица. Французский посол де Сегюр только диву давался, описывая своему монарху «особенности быта и забав русских олигархов».

Екатерина тоже знала об этом. Любовная страсть их с Потемкиным к тому времени угасла, хотя взаимное уважение, как у проживших бок о бок и вместе состарившихся супругов, сохранилось. Прекрасно зная слабости друг друга, они относились к ним с пониманием. К тому же Екатерина была уверена: по-настоящему он любил все равно только ее. Любил как жену и как государыню, и за это она ему все прощала.

А племянницы у Потемкина и вправду были прехорошенькие. Милые, пригожие и, главное, умненькие, что особенно ценила в женщинах Екатерина. А что ухоженные да изнеженные, так то понятно – не зря дядька считался самым богатым человеком империи! Государыня и сама бы их с удовольствием потискала. И в ней кровь бурлила, требуя все новых увлечений. И увлечения эти не переставали находиться. Благо, что «ее Гриц» держал это под своим неусыпным контролем.

Глава четвертая Закат фаворита

1787 год. Крымская дорога Дмитриева-Мамонова

С утра Екатерина почувствовала себя неважно, и потому было принято решение, что как минимум до обеда с ней в карете поедут только особо приближенные лица: две фрейлины и ее новый любимчик Дмитриев-Мамонов. Озабоченный здоровьем царицы, присоединился к ним и Потемкин. От нечего делать он из-под прикрытых век осторожно наблюдал за фаворитом.

«Теперь за этим глаз да глаз нужен, – покачиваясь в такт движению кареты, размышлял Потемкин. – Тоже уж не Сашка, а Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов, граф Священной Римской империи! При беседах государыни с самим императором Иосифом присутствует! Гляди ты, важная птица какая стала! Но этот хоть послушный – знает птичка, с чьих рук клюет».

Потемкин вспомнил, как взял его к себе адъютантом из Измайловского полка. Как приглянулся ему тогда молодой человек. Что красив – это понятно, без этого никуда. Но было в молодом Дмитриеве-Мамонове еще что-то, что сразу привлекло внимание Потемкина. Правда, не сразу этому нашлось определение. Долго не мог он сформулировать для себя, что же именно так привлекло его в этом молодце. Но потом сообразил: Мамонов только что имя носил такое бравурное, геройское – Александр. На деле же оказался меланхоличным, вечно погруженным в свои мысли, тихим молодым человеком. «Тюфяк, без взлетов и фантазий», – решил про себя Потемкин. Как раз идеальный кандидат!

Как только Потемкин в этом уверился, так и представил его Екатерине. И пошло-поехало как по писаному. Потекли денежки казенные в закрома теперь уже Дмитриевых-Мамоновых, даром что семейство оказалось многочисленное. «Ну да, Рассея-матушка большая, все стерпит! Земель да угодий, золота да чинов еще на сто таких Мамоновых хватит, – не без гордости за отечество успокаивал себя князь. – Ничего, пусть побесится Катенька. Как косицу ни завивай, а волос-то с того только редет», – философски рассуждал про себя опытный царедворец.

И вот теперь, не без некоторой печали, приходилось думать о «закате» Мамонова. Предрешен вопрос был тогда, когда уселся молодой красавец за стол переговоров императрицы с самим Габсбургом, с самим австрийским императором, куда даже Потемкина не позвали. Тут-то и порешил светлейший: все, и с этим пора прощаться. «Жаль, хороший был малый – спокойный. Ну да ведь Катюху-то как понесет, что ту колымагу под гору, – так уж и не остановишь!» – вздыхал про себя Григорий Александрович, из-под прикрытых век наблюдая за любовником своей жены, хмуро уставившимся в окно дормеза.

Причин хмуриться у Александра Матвеевича было предостаточно. «Это же надо, чтобы я да своими руками...» – кусал губы граф Дмитриев-Мамонов. Хоть и был он еще молод и слыл человеком не семи пядей во лбу, но опыта при дворе поднабрался достаточно, чтобы разобраться в хитросплетениях придворных интриг, тем более когда все было шито белыми нитками. Да и повторялось все по одной и той же набившей оскомину схеме. «Хоть бы чего новенького придумали!» – угрюмо хмурил брови Мамонов. Но самым обидным было то, что он сам же и порекомендовал Потемкину этого поручика, чтоб его Бог пришиб! И видя теперь, как императрица все чаще поглядывает на Резанова, то и дело подзывает его к себе Потемкин, отправляя то с одним, то с другим поручением, демонстративно подчеркивая тем самым особое к нему расположение, Мамонов не мог не признать, что где-

то он просчитался. «Вот уж действительно слепа Фортуна, – не без грусти думал Мамонов, тайком поглядывая в окно на гарцующего неподалеку и отдающего какие-то распоряжения Резанова. – И ведь надо же! Своими руками себе же поджилки и подрезал!» – сокрушался Александр Матвеевич, лихорадочно пытаясь найти решение возникшей проблемы.

В защиту Мамонова следует заметить, что выбрал он Резанова совсем не случайно. Резон, что называется, у него был. Когда Потемкин напрямую попросил его порекомендовать офицера для назначения начальником личной охраны императрицы на период ее путешествия, Мамонов сразу вспомнил о своем бывшем сослуживце. Перед тем, как самому «взлететь», Мамонов имел возможность приглядеться к молодому подпоручику. Резанов совсем недавно был переведен в элитный полк из артиллерии, держался особняком и считался тихоней. В гулянках и офицерских попойках не участвовал, хотя деньгами в складчину всегда участие принимал, чем вызвал уважение сослуживцев, любивших погулять за чужой счет. С прибалтийскими немками, традиционно «обслуживавшими» измайловцев, не знался, по крайней мере, замечен с ними ни разу не был. Из-за чего спустя некоторое время офицеры прозвали Резанова «монахом». Наверное, это полковая кличка и натолкнула Мамонова на мысль представить Потемкину именно Резанова. Только вот забыл он в тот момент, что судьбу «монаха» с той минуты будет определять уже не Святейший Синод и уж тем более не он, а силы куда более искушенные и могущественные. А также не ко времени запомнил Александр Матвеевич старую русскую поговорку, что «в тихом омуте черти водятся».

А когда вспомнил, было уже поздно.

Глава пятая Тихий омут

1787 год. Резанов. Начало пути

Резанов Потемкину понравился сразу. Но была одна проблема. То, что внешние данные гвардейца, как говорится, «придутся ко двору», у Потемкина не вызывало сомнений. Внутренние его качества – вот что погружало светлейшего в раздумья.

Держался Резанов как-то странно. Не то чтобы он был не учтив или, не дай бог, высокомерен – кто отважится быть высокомерным в присутствии фельдмаршала империи, светлейшего князя Священной Римской империи, всемогущественнейшего фаворита императрицы?! Но даже то, как склонился молодой офицер перед Потемкиным, говорило испытанному царедворцу о многом. В поклоне была одновременно учтивость и какое-то болезненное самолюбие. «От ить, молодежь пошла, в самом деле. Самомнение нынче наперед персоны в залу шагает! Да уж, что и говорить, новые ветры задули!» – размышлял про себя светлейший.

Оно и правда, новые идеи и веяния, которыми бурлила в то время беспокойная Европа, никогда еще не шагали так свободно в Россию, распространяясь со скоростью лесного пожара среди молодых и неокрепших умов, как в последние десятилетия. Продвинувшись в глубь Европейского континента на половину Польши, почти вплотную подойдя к границам Пруссии, Россия как будто топталась в нерешительности. Застыла гигантская держава, оказавшись не готовой к такому кипению рвавшегося на свободу человеческого разума. Век Просвещения брал свое, и Россия вдруг неожиданно оказалась с ним визави. И Резанов – Потемкин это почувствовал сразу – был из числа этого нового для России типа людей. Он представлял новое поколение молодежи, для которой не привилегии, полученные от рождения, а собственное образование, помноженное на личные амбиции, становилось краеугольным камнем их жизненной позиции, на которой они выстраивали затем свои карьеры. И довольно успешно! В образованной молодежи, в специалистах, говорящих на нескольких иностранных языках, непомерно разросшаяся империя постоянно ощущала нехватку. «Да уж, этот, пожалуй, далеко пойдет», – решил про себя князь.

На Потемкина глядели большие серые глаза с такими длинными и пушистыми ресницами, что даже веки, казалось, не выдерживали их тяжести и потому выглядели полуприкрытыми. Это придавало лицу молодого человека выражение некоторой надменности. Надо заметить, что ощущение это было не таким уж и неверным. Стоило узнать молодого человека чуть поближе, заглянуть в его душу чуть поглубже и можно было легко изумиться невероятному градусу кипения его внутренних страстей. Будто зная это, Николай Петрович мало кому позволял заглянуть в сокровенные уголки своей души.

Рано оставшегося без матери Николя воспитывал отец – честный, прямой и добропорядочный человек. Резанов папеньку боготворил, хотя тот, с точки зрения Николая, все же имел один недостаток – он был не богат.

Матушка, беззаветно любя сына, перед смертью успела вдохнуть в него какую-то почти мистическую веру в свое «особое» предназначение. Однако подкрепить это финансово несчастный Петр Гаврилович Резанов никоим образом не мог. С малого поместья, в котором прошло детство Резанова, доход был невелик, что заставляло Петра Гавриловича трудиться в поте лица. Надо отметить: он добился в жизни многого. И поехал по России-матушке, и в различных присутственных местах поработал предостаточно. Был даже одно время председателем судебной палаты в Иркутске. То есть почет и уважение старший